

5. ОТЗЫВЫ О СЛАВЯНОФИЛЬСТВЕ В СССР И ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

А. Ф. ЛОСЕВ

Филология и эстетика Константина Аксакова

Г. А. Х. Н.

8 марта 1928 г.

I

а) Имя К. С. Аксакова достаточно опорочено одними и возвеличено другими, чтобы мы к этому стали прибавлять еще свои мировоззрительные или общественные оценки.

б) Но зато велико его *научное* значение. Правда:

1. Эта «наука» почти ни на кого не повлияла;

2. Это — *особого рода наука*, о которой мы только теперь начинаем догадываться;

3. Но и теперь имя К. С. погребено под хламом истекших десятилетий, и вместо свободного отношения мы и теперь встречаем часто аффекты и нервы.

с) Я утверждаю, что и наше современное отношение к языку не пошло дальше. Мы, может быть, научились *более точно выражаться*.

Но интуиции языковые не продвинулись дальше, а обработка языкового материала с точки зрения этих интуиций даже отстала.

II

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ТРУДЫ

1. Он — *филолог по преимуществу*. Даже количественно. Между тем этого почти никто не знает.

2. 1817—1859.

3. 1. «О грамматике вообще (по поводу грамматики г. Белинского)». 1838, напеч. в «Московском наблюдателе» 1839, янв.

2. «Ломоносов в истории русской литературы и русского языка».

Для получения степени «магистра философского факультета 1-го отделения». 1846.

3. «Несколько слов о нашем правописании». Московский Сборник, изд. В. А. Панаева. 1846.

4. «О русских глаголах». Отдельная брошюра. 1855.

5. «Критический разбор “Опыта исторической грамматики русского языка” Ф. Буслаева». «Русская беседа». 1859 (V—VI т.).

6. «Опыт русской грамматики» ч. 1. Имя (*первый* выпуск, изд. при жизни автора, 1860). Имя (второй выпуск под ред. Н. А. Бессонова, III том соч. 1880).

Конспект последних двух отделов 1 ч. «Русской грамматики». Прилагательное. Предлог (в III т. 1880).

4. Все эти сочинения помещены во II и III т. Полного собрания сочинений, под ред. И. С. Аксакова. II — 1875. III — 1880.

5. Чтобы усвоить себе значение этих трудов К. Аксакова, *надо отбросить три предассудка.*

а) Одна из обычных характеристик А. — *славянофильство*. Этот тезис требует уточнения и ограничения.

1. Если под славянофильством понимать философско-историческую концепцию отрицания Запада и возврата к до-Петровской России, то А. является *страстным критиком такой концепции.*

До-Петр. = *тезис.*

Запад = *антитезис.*

Новая свободная национальность = *синтез.*

2. Даже и эта концепция слишком *широка и обща*, и чтобы понять ее реальное значение, надо *посчитаться и с тем громадным* филологическим материалом, который приводит А.

Только тогда характеристика его как славянофила будет что-нибудь говорить.

3. А., конечно, является *защитником самобытности русского языка.*

Но, я думаю, всякому филологу вождедена самобытность любого языка, и тут еще нет ничего особенно специфического.

А., как занимавшийся главным образом русским языком, конечно, и *любил его больше других* и, как это естественно всякому человеку своей национальности, хотел видеть в нем свой самобытный и самостоятельный путь, борясь против позитивистического обезличивания и подавления русской индивидуальности.

За это, однако, надо только похвалить, хотя и не следует впадать в ошибки.

б) Второй основной предрассудок, это — что труды А., как и всей этой школы, *суть плоды дилетантства и поверхностного любительства*.

Буслаев, Срезневский и Венгеров — относятся очень осудительно¹. Однако, присмотревшись ближе к этим отзывам, мы замечаем здесь

1) чисто *партийные* выпады и

2) упреки в отсутствии внешнего вполне законченного учебного аппарата. Например, мало *примечаний и примеров*.

Все это указывает на то, что эти люди просто *не понимали целей и задач*, которые себе ставил А. Его цели — *философские и фил<ософски>-культурные*, а не чисто филологические. А для этого примеров и аппарата у него гораздо больше, чем нужно. Мы, например, никогда не поднимаемся на такую высоту.

с) Наконец, надо отбросить и тот предрассудок, который имеют обычно *люди, расположенные к А.*

Соглашаются, что А. — не филолог, что он — имел субъективные симпатии и антипатии, что он — не очень большой ученый. Но выдвигают одну сферу, куда легко все свалить. Это — *художественное чутье*.

Лучшая характеристика в этом отношении принадлежит Ив. Аксакову (т. II, с. VIII)².

В этой характеристике правильно указано на чутье.

Но: все-таки дело А. — иное. Он не просто имел чутье. Он дал *философскую теорию языка*. И вот ее-то никто никогда и не хотел и не мог ни увидеть, ни понять у А.

б. Мысли А. об языке и художественном языке я мог бы разбить на три отдела.

I. Общее учение о слове и языке.

II. Ряд *грамматических учений*.

III. *Историческая диалектика* поэтического и словесного творчества.

III

ОБЩЕЕ УЧЕНИЕ О СЛОВЕ

1. Слово *не есть* просто *знак* или *средство*.

а) Язык бывает похож на простой знак, когда, выразивши вещь, он как бы отходит на второй план. *Но*

1. Это возможно только тогда, когда язык уже совершил это выражение и выработку вещи.

2. Но и тут он не просто знак. Слово и тут продолжает быть неразрывно связано с мыслью. Мысль невозможна без него, и слово не остается само по себе. II, 322.

3. Даже самая отвлеченная и утонченная мысль насквозь проникнута словом. Тут — освобождение не от слова, но — в недрах слова — от непосредственной созерцательности.

б) Язык и слово не есть знак так же, как и всякое явление не есть только знак.

«Сказать, что слово — знак, невозможно; в таком случае все только знак» (II, 323).

с) Слово имеет свою собственную специфическую объективность, которая не есть просто природа.

Что же она такое?

2. Слово есть объективность сознания.

а) Слово — объективная прозрачность бытия духа. II 323 вн. Итак, слово — орудие деятельности духа.

б) Путем этой деятельности дух облакает свое неподвижное природное бытие живым и подвижным ликом и образом. II, 323 ср.

с) Таким образом, Слово и Сознание — одно и то же.

Это А. не устает повторять.

1. Интересно его определение филологии.

Наука — сознание общего в явлении, и филология есть в особенности такое сознание и наука о нем. III, стр. III св. Итак, «слово есть сознание, слово есть человек».

2. Слово — высшее проявление разума. III, с. III ср.

д) В качестве сознания Слово совершенно неотъемлемо от человека. III, стр. 1 (Введение).

Итак, «слово и человек — одно».

3. Но что такое само-то сознание?

а) Сознание есть: 1) некое овладевание;

2) оно есть овладевание вне материального овладения;

3) оно есть понимание предмета, или, вернее, самый понимаемый предмет, разумеваемая идея. III, с. 1 вн.

б) Возражения: 1. человек и вне слова обладает природою.

Однако «только говорящее, разумное существо могло совершить их [материальные успехи]». III, 2, ср.

2. Говорят, что сознание не есть еще слово.

Однако так возражать можно только при условии, если на сознание смотреть как на чисто пассивный процесс отображения.

И тут А. дает окончательную формулу для учения о слове как о сознании.

А именно, сознание есть *объективное обстояние самого предмета*, возвращающегося к самому себе и как бы узнающего и показывающего самого себя.

Другими словами, сознание есть всегда *выражение* предмета, а потому и слово есть объективно-смысловое выражение предмета. III, с. 2 вн.

3. Наконец, *третье* возражение: «если мир один и сознание также, отчего на земле *не один язык, а много?*»

Но: это возражение продиктовано взглядом на язык *как на природу*. Это не природа, но *история самосознания*.

«Различно проявляющееся сознание человеческое — вот основная причина разнообразия языков, совпадающего с разнообразием народов».

4. Итак, слово есть сознание, а сознание — *сама природа и мир, вещи, но данные в своем понимаемом и понимаемом выражении*.

а) Тут удивительный *упор в объективность*. Но это — объективность смысловая, объективность понимаемой предметности, и потому в слове — встреча *и синтез* обоих миров — природного, объективного и духовного, субъективного.

б) С одной стороны, *слово*, как уже сказано, *не отделимо от человека* и даже человек самый. II, 321 св.

Итак, язык — «равномерно конкретное бытие» духа. А. прямо говорит, что все, что в природе есть творческого, это есть результат слова, человеческого слова. II 327.

с) Однако, с другой стороны, *Слово есть и сама природа*.

д) Отсюда, оно — именно *синтез*, посредник. III, 4.

5. Теперь и я спрошу: *что дает такая* обычная характеристика А., как то, что он — *славянофил?*

Или — что он в языковедении дилетант.

Или — что у него художественное чутье языка.

Все это совершенно не характеризует учение А. о слове.

Это учение о слове хочет быть (и есть) *философская* концепция языка, которая хотя и зависит причинно от любви к родному языку, от ученой осведомленности в нем и от художественных интуиции, но *есть нечто совершенно отличное от них и принципиально в них не нуждается*.

IV

ГРАММАТИЧЕСКИЕ УЧЕНИЯ

I. Классификация частей речи.

а) Возражая Белинскому, он отвергает *логический* принцип деления и постулирует чисто *языковой*. II, 5 вн. 6 ср.

Форма как выражение понятия.

б) *Имя* — предмет (пространство). *Глагол* — действие (время).

с) *Качество имени* — *прилагательное*.

Отношение между собою имен — *предлог*.

д) *Качество глагола (действия)* — *наречие*. *Отношение* — *союз*.

е) *Местоимение* — никак не составляет отдельной части речи. *Личное* — относится к имени.

Остальные — к прилагательному.

Причастие — также не есть особая часть речи. Это — *отглагольное прилагательное*.

Деепричастие — отглагольное наречие.

Междометие — вовсе не есть слово, хотя оно и состоит формально часто из слов.

«Ах, Боже мой!» — вовсе не есть слово. «Тут еще нет человека».

ф) Впоследствии — иначе. II, 540—541.

II. Общая характеристика русского глагола.

а) Нет *прошедшего* времени. Употребляются *отглагольные прилагательные*.

б) Но нет и будущего. II, 411—413.

с) Русский глагол *независим от времени*. Он выражает *качество действия*.

1. действие как *общее*: двигать.

2. действие как *момент*, действие в минуту своего осуществления: *двигнуть*.

3. действие как *моменты*: двигивать.

«От качества действия делается уже заключение о времени».

III. Местоимение.

Я и Ты — не есть местоимение.

Он — только и есть местоимение. II, 541.

IV. Безличные предложения.

а) Буслаев видит здесь опущение глагола *есть, есмь*.

б) *Аксаков*: 1. нарушается восклицательный характер.

2. это есть «именование ощущения, мнения, свойства». II, 538—539.

Тонкая и правильная феноменологическая установка.

V. Понятие не состоит из представлений. II, 533—534.

VI. Имена собственные не суть общие понятия. II, 534—535.

VII. Разделение логики и грамматики.

а) Критика Буслаева. II, 535—536.

б) Грамматика — наука о *словесном выражении*. II, 530.

VIII. *Борьба против засилия сравнительно-исторического метода.* II, 529—530.

Все эти учения большею частью правильные. И не хуже Буслаева, Срезневского и прочих «западников».

V

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДИАЛЕКТИКА СЛОВЕСНОГО И ПОЭТИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА

1. Эта диалектика блестяще проведена им в рассуждении о *Ломоносове*.

2. Этому предшествует очень четкая диалектика *общего, частного и единичного*.

а) *Общее как общее не существует*, оно необходимо *переходит в частное*. II, 35.

б) Необходимость отрицания. II, 36.

с) Отрицание отрицания. II, 38—39.

3. То же находим мы и в искусстве, в *поэзии*.

а) церковно-славянский язык — общее и вечное содержание. Национальная исключительность.

Новая национальность, вмещающая общечеловеческое содержание.

б) Значение Ломоносова. II, 48.

с) 1. Ломоносов как момент в истории литературы, момент сам в себе, *in abstracto*.

2. Ломоносов в отношении к слогу.

Определение стиля. 31 ср.

3. Ломоносов как поэт, — момент личный.

4. Я думаю, эти построения в деталях заслуживают отдельного рассмотрения.

Но безусловно правильны следующие мысли:

а) самый диалектический метод (вовсе не обязательны триады); тут действительно взаимоотношение исторических категорий;

б) в частности противоположение до-Петровской Руси и петербургской России;

с) учение о стиле.

5. В заключение я должен сказать, что изложение А. является весьма своевременным.

Я ставил свою целью показать, что клички и ярлычки пора отбросить. Славянофильство. Гегельянство.

Я также думаю, что в эпоху упадка и растления народного языка не мешает помнить завет молодого Аксакова. II, 4.

